

Диснейленд Берлина, округ радуги. Поля возврата

Как известно, средняя продолжительность жизни человека в Диснейленде варьировалась от пяти минут до четырех часов. Независимо от этого, множество и множество разнообразных авантюристов всех мастей и охотников за наживой лезли в эти гибкие места, пытаясь заполучить приз.

Основным призом таких вылазок служили артефакты. Самые любопытные из них стоили целое состояние, благодаря которому такой удачливый тип мог бы не работать всю оставшуюся жизнь. Именно поэтому Отряда шел не торопясь, осторожничая и при этом осматривая каждый встреченный булыжник.

Широкая туча заслонила от людей летнее солнце, и они лазали по развалинам древнего города без в неярком свете не раз проклятого ими дня. В головах наемников все крутилась яркая картинка, которую они застали на месте гибели своего командира. С ее смертью страх поселился в их сердцах: раз уж такая опытная, предвидящая опасности и обладающая невероятными способностями женщина пала в первые часы на этом минном поле, что могут они? Содрогаясь, они вспоминали чудовищные вопли охотницы и ежились — и это посреди лета!

Негласно возглавившая Отряд, Ольта с грустью оглядывала строения. Массивное здание парковки и окружающие ее полуразвалившиеся каркасы высоток, непонятные коричневые кучи, напоминающие окаменевшее дермо динозавров, множество сгнивших остатков древних самоходных аппаратов и, казалось, вечные асфальтовые дороги — ничто это не цепляло ее взор. Снова и снова девушка возвращалась мыслями к вчерашней ночи, которая так много для нее значила. И, подумать только, сразу после этого охотница позволила себе их покинуть! И как! Апостол сжимала кулаки, испытывая страшную ноющую боль в груди.

Внезапно сквозь тучу на ближайшую к ней машину упал тонкий луч солнечного света. Незамеченная бойцами в зыбком дневном свете ранее, в воздухе кружилась водяная взвесь. Казалось, будто мелкий-мелкий дождик идет с земли в небо. Девушка в шоке распахнула глаза, видя, как радужно переливается этот лучик:

— Радуга-а-а! — громогласно закричала она, заставив вздрогнуть всех наемников.

Полоса света в один миг расширилась, захватив еще десяток квадратных метров и испарив Эресса. На асфальт со звоном посыпались гайки, болты и гвозди, тетива от лука с зажимом, разнообразные пряжки и прочие неорганические предметы. Наемники нырнули в тени машин, и только тогда переливающееся разноцветьем сияние окончательно затопило поля.

Диснейленд Берлина, округ радуги. Оживленная улица

Гулкий стук. Еще один. И еще.

Толчки постепенно набирали обороты, повторяясь все чаще и чаще, пока не достигли своей нормы — примерно раз в секунду.

Пушистые ресницы дрогнули и пошли вверх, открывая свободу серебряным глазам.

Неуверенными движениями двигая руками так, как обычно это делают отыкающие от серьезных ранений люди, девушка уперлась ладонями в камни и тяжело поднялась.

Из всей одежды на ней оставались лишь рукава со щитом и обтягивающие ноги лосины, явно

из одного и того же, выцветшего и, пожалуй, бывшего когда-то светло-коричневым, костюма. Штаны эти были разорваны в промежности и не падали с нее лишь благодаря тонкому ремешку, опоясывающему талию, открывая случайному зрителю достойный вид на упругие ягодицы и белый пушок лобка. Полные, налитые кровью половые губы красавицы, казалось, умоляли о немедленном сексе, а задорно торчавшие бусинки сосков маленькой груди полностью подтверждали эту мысль.

Нежно-розовые волосы девушки мотнулись из стороны в сторону, когда она недоуменно осматривалась. Обнаружив, что она лежала в луже крови, красотка немало удивилась и замерла, считывая недавние события. В глазах ее тут же мелькнуло отвращение, а губки сурово поджались. Подняв руки вверх, что вытянуло ее сиськи вперед, девушка нахмурилась и сосредоточилась. Лужа крови заходила волнами, струйками взбираясь по единственной уцелевшей детали ее гардероба — черным кожаным сапогам, поднимаясь по ее ногам и исчезая меж складок в промежности.

Поглотив лужу, девушка еще секунду стояла неподвижно. Внезапно она схватилась за живот и издала страшный крик, в котором смешивались как боль, так и жгучая, всепоглощающая ненависть.

Яростно заскрипев зубами, Шэдри подняла валявшийся невдалеке пистолет, вложив его в кобуру, заткнула за пояс верный клинок, вдохнула знакомые запахи и побежала по давнему следу.

Диснейленд Берлина, окруж радуги. Поля возврата

Ольта нервно выглядывала из-под машины. За последние две минуты ближайшие навозные кучи, оказавшиеся, на поверку, гигантскими улитками, проползли еще метров десять. Если дело пойдет тем же ходом, через полчаса люди будут вытащены из укрытий и либо их сожрут, либо «осветят». Сейчас она жалела лишь о том, что не может ничего поделать — только лежать и смотреть на приближающуюся смерть.

— Черт, как я теперь понимаю, что испытывает моя наживка при рыбалке, — сердито отдуваясь, говорил Дэниэль. Корыто, просевшее на гниющих дисках колес, под которое забрался бедолага, на поверку оказалось невероятно древним и с него постоянно сыпалась ржавая труха.

Близко сзади раздался железный всплеск широкого листа по земле, и Ольта подскочила, треснувшись лбом об нависающее над ней днище. Нежные пальцы обхватили ее лицо, ударив в ноздри знакомым ароматом, и мягко коснулись ушибленного места, поглаживая и успокаивая ее. Сквозь мелькающие пальчики девушка разглядела лицо Шэдри, утешающее смотрящее на нее.

— Ты?! — жарко выдохнула наемница в теплую ладошку.

Палец прижался к губам девушки, заставляя ее молчать, а игравая лапка охотницы уже пробиралась под ее куртку. Не удержавшись, Апостол принялась нежно целовать дорогой ей палец, а на глазах ее простили неожиданные слезы счастья.

— Ты, ты, ты, — перемежая слова поцелуями, горячо бормотала девушка, плача и хлюпая носом. Теплые пальцы гладили ее лицо, смахивая слезы, порхали и молча отвечали: — «Я»...

Молния куртки как бы сама собой расстегнулась, и теплая ладошка змейкой свернулась на гладком животике Ольты. Маленький носик охотницы уткнулся в ее плечо, а губы ласково

водили по ключице. Упругая грудь Шэдри прижалась к своей тезке, задевая ее сосок своим, а гладкое мускулистое тело стало возбуждающее тереться об стонущую наемницу. Та уже вовсю завелась, чувствуя со всех сторон ошарашенные взгляды мужчин, обалдевая от своей распутности и доступности давно желанной, казавшейся такой неприступной, женщины. Ноготки ее впились в голую спину и свирепо царапали ее, вымешая на ней свое неизбытое бремя потери.

Апостол на пике возбуждения выгнула спинку, выставляя вверх свой животик и лобок, скрытый кожаными штанами. Шэдри уже спустилась до ее груди, покрывая ее нежными укусами, воспаляющими плоть. Чувствуя желания партнерши, она торопливо высвобождала прекрасные ножки и еще более прекрасную раковину между ними. Прикоснувшись к ее влажным створкам, охотница сильно нажала на них и принялась растирать складки мощными круговыми движениями. Сама она к тому времени уже роняла капли смазки на землю и обсасывала соски своей милой заместительницы, глухо постанывая, отрываясь от них и ударяясь об дно машины в пароксизме страсти.

Победительница урчала, как чеширский кот, облизывая пересохшие губы. Ее страсть сосредоточилась на кончиках пальцев Шэдри, там, между непроизвольно раздвинувшихся бедер. Чересчур сильные, неудержимые чувства сплавлялись в ее груди в яростную похоть, и кровоточащих царапин, оставляемых на плечах командира, уже казалось ей мало. Грубо схватив отливающие розовым волосы охотницу и ее ухо, она направила голову девушки у себя между ног и стала извиваться, вжимая ее лицо в свою вагину и жестко вытираясь им. Шэдри и сама вжималась в нежную плоть своей любовницы, чувствуя на губах ее соленый вкус, вдыхая терпкий волнующий аромат и чувствуя изумительное блаженство. «Ангелы Аида, эта человечица и впрямь настолько бесстрашна, чтобы таскать меня за волосы у себя между ног привсем Отряде?» — мелькало в голове у Шэдри. — «Я бы вырвала ей руку, не будь это... так... приятно...» — мутнело ее сознание. Телепатическая связь с Ольтой окрепла настолько, что она могла прочитать не только эмоции, но и мысли девушки, — «люблю тебя... люблю... моя маленькая шлюшка... никогда не отпушу...» — которые параллельно раздавались в ее разложенном страстью мозгу. Поняв, кем ее считает любовница, охотница окончательно съехала с катушек и забилась в бесчисленных оргазмах, ее тело изгибалось с такой силой, что машина над ними отрывалась от земли от конвульсивных ударов ее попки. Ольта заметила, что девушка кончает даже раньше нее, нетронутая даже пальцем, и ласково («ах ты, сучка!») подумав про нее, не выдержала и нырнула в нирвану следом.

Вынырнув из экзальтации через пару минут, девушки всмотрелись в глаза друг другу. Светло-красные глаза наемницы и серебристые — охотницы несколько минут боролись друг с другом. Наконец Шэдри моргнула и подползла к партнерше, укладываясь ей на плечо. Ольта запустила пальцы в ее волосы и принялась массировать любимую головку, ласково сжимая и разжимая ладонь.

«Теплая... какая ты у меня теплая... ты знаешь, когда я думала, что тебя нет, я хотела остаться под радугой... только, надо было вывести ребят... так было одиноко... согрей меня...»

— Уже грею, — мурлыкнула Шэдри, ласково лизнув соленое плечо любовницы.

— Ммм? — рассеянно промычала Апостол, улыбаясь ей. — «Чего лижешься, смешная?... фу, щекотно же!»

— Хочу и лижусь, — отвечала охотница на мысли девушки, легонько фыркая. — Почему я смешная? — спросила она, с собачьей преданностью заглядывая в нежно-красные глаза.

«Ого. Ты теперь и мысли мои читаешь?»

Шэдри потерлась щекой об плечо победительницы и робко спросила:

— Ведь ты не против?

Отрицательно помотав багровыми кудряшками, Ольта лучисто улыбнулась и хихикнула.

— Эй, командир! — пропыхтел Рыбак, давясь пылью. — Еще пять минут и меня тут заживо сожрут, сделай хоть что-нибудь! Хватит уже кувыркаться!

Охотница запустила свои пальцы в волосы Апостола, ощупывая тонкие медные цепочки, впряженные кое-где в шевелюре, продемонстрировав совершенное игнорирование оклика.

— Ничего себе, они и здесь у тебя висят? — округлила глаза Шэдри, почесывая ее за ушком.

«А то как же. Когда я одна в аномалии хожу, они у меня знаешь где висят? *красочная картинка мелькнула перед ее глазами*»

— Да не может этого быть! — даже приподнялась на локте охотница, и ее брови поползли вверх. — У тебя там никаких дырочек нет, как ты их цепляла? И зачем?!

«Нравилось мне очень ощущение. Что, хочешь попробовать?»

Шэдри покраснела, но решительно кивнула.

«Доберемся до форпоста при Берлине, у меня в хранилище там остался... тебе обязательно понравится, моя сучка... *несколько образов подряд* Ненасытная...»

Глаза Фурии заволокло серебром желания. Вонзив фаланги пальцев в землю, она задрожала. Ольта взъярилась, приподнимаясь и прижимая ее к груди. — «Что такое? Тихо-тихо-тихо, ну, не волнуйся... сейчас все пройдет...»

Сталь медленно влилась обратно в радужку охотницы и она улыбнулась, застегивая молнию на куртке Ольты, и громко произнесла:

— Приготовились, полминуты до старта! Бежим к автостоянке по моей команде!

Обернувшись к наемнице, она ласково сняла ее пальчики с ушка и слегка прикусила его.

Короткая волна нежности мягко толкнула Шэдри в самое сердце.

Внезапно поляну накрыл сумрак заслонившей свет тучи.

— Бегом! — на все поле крикнула охотница.

Отряд не надо было уговаривать, жить хотели все. Четыре человека мигом преодолели расстояние до живучего строения и ворвались внутрь. Шэдри, не останавливаясь, рванула к дальнему углу, на ходу отмахиваясь от летучего кусачего гнуса и влетев в громадную трещину в стене ногами вперед. Бойцы повторили маневр и исчезли из виду.

Диснейленд Берлина. Катаомбы

Катаомбы под Диснейлендом Берлина — это гордость местных охотников за наживой. Они по праву гордились, что ни в одной аномалии нет сколь полезной аномалии, как отток грунтовых вод. С одной стороны, это позволяло пересохшим страдальцам, не запасшимся достаточным количеством воды, благополучно умереть от жажды, ибо копание колодцев-то было бессмысленно, как попытки сбросить с крыши воробья. С другой — открывало все тоннели и подземные галереи древнего города, что было очень-очень-очень выгодно.

Несмотря на малое количество уцелевших входов в тоннели, коллекторы пользовались самой большой популярностью. Несмотря на кромешную тьму, в них было на порядок меньше опасностей, ну а тьма... в конце концов, половина деревьев в любом лесу были горючими.

Перед Шэдри такой проблемы не стояло. Слишком сильно желая жить, ее душа, возвращаясь в тело, заставила его принять в себя сперму гибрида, что наделило ее новыми, уникальными

способностями. Теперь она могла в разных мелочах управлять собственным телом — в частности, настроить ночное видение, чем она сразу воспользовалась, оказавшись в коллекторе.

Остальные приключенцы были не столь хорошо подготовлены, и, приберегая последние два факела на «черный день» (хотя куда уж черней, казалось бы?), последние два дня они провели в полной темноте, вручив себя в руки командира.

Диснейленд Берлина, окруж твердой земли, ближе к округу радуги. Недалекое будущее Счастливчик провалился на асфальте не менее часа. Он слишком хорошо знал, что бывает с проваливающимися здесь под землю людьми, и не желал повторять их ошибки.

Осторожно поднявшись на ноги, капитан настороженно осмотрелся. Кажется, все было спокойно. Поднявши уже ногу, чтобы сделать шаг вперед, неожиданно боковым зрением он заметил черное пятно неподалеку от себя.

Встав лицом к пятну, Треффер оценивающе рассматривал невесть откуда взявшуюся незнакомку. Черная кожа ее костюма обвивалась угрожающими на вид цепями. Капитан заподозрил бы мародера, но — здесь? К тому же, без необходимых вещей и даже без ранца? Не может быть.

— Капитан охотников Треффер Счастливчик! — извечным жестом мира вытянул он руку. В следующее мгновение он летел спиной вперед, с тошнотворным хрустом вмазавшись в стену здания. Подошедшая женщина, с бесстрастным лицом и холодными, покрытыми амальгамой глазами, одним движением порвала его штаны, запустила в них руку, сжала и резко дернула. Угасающим от болевого шока сознанием мужчина зацепил равнодушную фурию, которая уже уходила от него, мерно чавкая по пути.

Диснейленд Берлина. Катаkomбы

Последние дни в кромешной тьме тоннелей девушки провели в обнимку. В принципе, этому никто не удивлялся, благо и причина имелась серьезная — полная подземная тьма позволяла охотникам двигаться лишь под конвоем командира.

Любовницы уже научились общаться практически молча. Шэдри ловила мысли партнерши и старалась отвечать ей языком тела, лишь в редких случаях прибегая к языку, а наемница старалась думать прямыми вопросами, на которые были возможны считанные варианты ответов.

Однажды условной ночью Шэдри растолкала наемницу, в то время как мужчины спали. «Что-то случилось?» — обеспокоилась Ольта, легко поднимаясь на ноги.

Приложив ей палец к губам, охотница молча повела ее по подземелью. Через несколько минут Апостол поняла, что неясно видит и тоннель, и яркий свет поодаль, падающий из ответвления в темноту их пути.

— Я специально не довела вас всех сегодня до этого места, — шептала Шэдри, таинственно мерцая отражающими зеленый свет глазами. — Хотела привести тебя первой...

«Да? То есть, ребята сейчас валяются там без защиты из-за того, что ты хотела?» — язвительно думала Ольта, окатывая любимую презрительным взглядом. — «И эта похотливая тварь передо мной — командир Отряда?»

Шэдри стояла, понурившись и сгорбившись, и вздрагивала всем телом, чувствуя окатывающее ее фонтанами презрение Апостола. Неожиданно наемница схватила ее за

голову, потянув на себя и вниз. Девушка упала на колени, покорно глядя на партнершу.

«Я знаю, чего ты хочешь, сучка», — Ольта обходила ее сзади, излучая ту же гамму чувств и еще — мрачную решимость. Внезапно боевая цепь ударила девушку по спине, а самый кончик ее, пройдя меж половинками попы, с размаху опустился на мокрую киску. Наемница вовремя зажала ей рот ладонью, и Шэдри выгнулась всем телом вперед, вцепившись в эту руку обеими своими, издавая угробный стон.

«Ноги шире!» — и, поколебавшись, девушка повиновалась. Очередной удар обрушился на жадно раскрытые створки ее раковины, разбрыгивая жидкость по грязному полу. Девушка не смела свести ноги вместе, получая все новые и новые удары в одни ворота, судорожно изгибаясь, прижимаясь спиной к ногам Ольты и вцепившись в ее руку, как в спасательный круг. Подывала она уже без перерывов, отвлекаясь лишь на конвульсивные вдохи.

В глубинах души маленькой Фурии бушевали смерчи и торнадо. Сейчас ее ближайшая подруга удовлетворяла ее порочное, похотливое нутро, ничего не требуя взамен и трудолюбиво охаживая ее дырку импровизированным бичом. Нежность и безграничное доверие укутали ее в кокон тепла, и Шэдри стала осыпать ладонь, закрывающую ее губы, мягкими поцелуями. Теперь стоны, срывавшиеся с ее губ, звучали, как музыка, а соки любви фонтанчиками били в пол после каждого удара.

Наконец Ольта остановилась, окинув уставшую от мгновенных оргазмов любимую вопросительным взглядом. Шэдри всю колотило, но она умоляюще удерживала руку партнерши, привставая на коленях и покрывая костяшки ее пальцев поцелуями.

— Ты ничего не получила взамен, — хрипло произнесла она вполголоса, побоявшись, что натруженные легкие не сумеют вопроизвести шепот. — Хочу тебя, — добавила она, благодарно потервшись щекой об руку Ольты. — Пожалуйста, дай мне тебя поласкать...

Засомневавшись, наемница посмотрела на все еще вздрогивавшую девушку. Но та смотрела так просяще, даже умоляюще, что она не выдержала.

Ольта сняла штаны и просунула цепь между ножек любимой. Та с детским любопытством следила за ней, стараясь угадать, что будет, но наемница плотно закрылась напускной суворостью и втайне делала свое «черное» дело. Подняв цепь за оба конца, она удовлетворенно кивнула, увидев, как заерзала на ней девушка.

Потом Апостол уселась попой на свои штаны, откинулась назад и приглашающе раздвинула бедра, раскрыв перед любимой свою мокрую дырочку. — «Лижи, сучка!» — приказала она, натягивая цепь. Подгоняемая сзади, Шэдри на коленях подползла к ней и принялась облизывать нежные розовые складки, как всегда, восхищаясь ее вкусом и запахом.

«Хули ты нежничашь, шлюшка?!» — мысленно рыкнула воительница, перехватившись обеими руками на оружии и грубо потащив на себя. Девушка, натягиваемая сзади, успела лишь пискнуть и вдавиться лицом в вагину своей избранницы. Быстро отрастив язычок подлиннее и создав на нем небольшое утолщение, она пронзила дырочку наемницы и принялась быстро трахать ее. Пальчики правой ее руки ласкали задний вход Ольты, а левая, покоилась ее животе, слегка царапая мощные мускулы коготками.

Пожелав отблагодарить любимую, Апостол не стала себе отказывать, крепко сжимая цепь в кулаках и натягивая на себя ее концы по очереди. Крупные звенья «пилили» девушку между ног, доставляя ей мучительное удовольствие, сминая складки ее влагалища и то и дело проваливаясь между ними. Приносящие друг другу всеми доступными способами наслаждение, девушки вскоре были поражены коротким и мощным, как удар молнии,

оргазмом.

Утомившаяся охотница подползла к Ольте и неумело поцеловала ее в губы, потерлась об ее подбородок щекой и уложила обросшую нежно-розовыми волосами головку ей на плечо.

— Люблю тебя, — прошептала она, поражаясь собственной смелости. За последние дни она, считывая каждую мысль Апостола, наконец поняла, что та пришла за ней в Отряд завоевать ее сердце. Она доверчиво улыбнулась, смотря снизу вверх в глаза партнерши своими сияющими блестевшими гляделками. — Я всегда, слышишь, всегда буду твоим призом, — продолжала она тихонько, распираемая не находившей выхода болью внутри. — Всегда твоя. Всегда рядом. Всегда вместе...

На полу едва освещенного тоннеля крепко сжимали друг друга две красивые девушки, охваченные невозможной в этом холодном мире-убийце аурой счастья и тепла. На грязную поверхность изредка капали серебряные, и рядом, прозрачные слезы счастья...

Диснейлэнд Берлина. Катаkomбы

Отряд бодро шагал по залитым зеленым светом помещениям. Странная жизнь образовалась здесь на стенах, освещая все возможные закоулки. Подземные залы были колоссальны в сравнении с нынешними убогими постройками людей, и люди с любопытством озирались по сторонам.

Внезапно Шэдри шепнула своей любимой:

— Мне ведь придется спать с мужчинами...

Девушка заранее виновато съежилась, ожидая гневного ответа. Опять ошиблась...

«Глупая, тебе это необходимо. Неужели ты и впрямь считаешь, что я стану тебя ревновать к этим скотам?» — фыркнула Ольта.

— Нет, — охотница счастливо улыбалась.

«Тем более, ты уже знаешь, как я стану тебя за это наказывать», — ехидно закончила Апостол.

Шэдри хихикнула. Почувяв что-то, она резко посерезнела и подошла к ближней колонне и остановилась, выдыхая:

— Пришли.

Отряд столпился, с любопытством и опаской разглядывая сгусток тьмы, болтавшийся перед ними. Шэдри вытащила из потайного кармашка на поясе странную загогулину, внешне напоминавшую букву «И», не отрывая глаз от артефакта. Она поводила ей из стороны в сторону, но тьма не реагировала. Тогда охотница ткнула в нее палкой факела и едва не улетела вслед — с такой скоростью аномалия вобрала его в себя.

— Что ж, отрицательный результат — тоже результат, — оптимистично сообщила походникам командир. — Пойдем в соседний зал. Отоспитесь и двинем домой.

Войдя в просторное помещение, наемники оживились. Дэниэль бросил свой вещмешок на каменный пол, тут же рухнув на него и предупредив:

— Меня не будить!

Маанат направился в дальний угол, видимо, облегчаться, а Ольта пошла вдоль стены, задумчиво рассматривая поросший зеленью барельеф:

«Как думаешь, кто тут жил?»

— Сумасшедшие, — буркнула Шэдри. Чем-то этот зал ей не нравился. — Мы тут тоже запросто с ума сойдем.

Внезапно охотнику пронзил острый угол тревоги. Ускоряясь и быстро оглядываясь, она ничего не обнаружила. С две долгих секунды она оглядывала зал, пока не заметила в поднимающейся руке стоявшего в тридцати метрах от нее Индейца крупную зеленую вперемешку с черным сферу. Мгновенно покрывшись холодным потом, она выдернула пистолет из кобуры и выстрелила ему в голову. Оружие медленно выбросило гильзу, затвор, наконец-то, возвращался на свое место...

Пуля находилась где-то на полпути между Шэдри и целью, когда «cobra», вынырнув из рукава дернувшего кистью предателя, ударила по артефакту. Со страшной скоростью смертоносный снаряд полетел к охотнице. () Она успела выдавить еще один выстрел из медлительного оружия, боковым зрением с удовлетворением замечая вырывавшиеся из головы Мааната фонтанчики крови. Пуля чиркнула по краю шара, и Шэдри успела только подумать, — «Надо было носить его на правом...»

Приходя в себя под стенкой, охотница отрешенно наблюдала, как медленно складываются и сращиваются ее ребра и их покрывает тут же вонзникающая плоть. Наконец ужасная рана затянулась, покрывшись розовой кожей, и девушка медленно поднялась.

Твердо встав на ноги, Шэдри увидела, как в судорогах бьется на полу ее избранница. Мигом подлетев к ней, охотница прижала любимую к каменному полу и выгляделась в ее лицо. В закатившихся глазах Ольты не было разума, и тело ее конвульсивно дергалось. Охотница увидела, как смят сзади череп любимой и посерела. Чувства ее нашупывали только волны мук, терзающих несчастную.

«Добей ее», — вкрадчиво шепнул ей равнодушный голос внутри. — «Добей. Ты ведь видишь, как она мучается. Ты чувствуешь, как она страдает... Ты ничего не сможешь сделать. Она уже мертва. Только вот умирать будет очень долго.»

Шэдри остановившимся взглядом смотрела на конвульсивные движения тела своей подруги, медленно осознавая происходящее. В конце концов, собравшись с силами, она с криком боли и отчаяния нанесла отработанный удар по ребрам девушки. Спустя секунду конвульсии стихли, и тело Ольты бессильно осело на землю.

На холодном каменном полу лежали в обнимку две девушки. Одна из них ласково гладила вторую, разговаривая с ней и покрывая поцелуями любимое лицо. Она повернула любимую к себе, крепко сжимая, и шептала ей:

— Хочешь? Накажи меня. Можешь убить. Ты можешь делать со мной все, что захочешь, родная, только не уходи...

В красную лужицу на полу упала первая капля цвета серебра.

Пуля находилась где-то на полпути между Шэдри и целью, когда «cobra», вынырнув из рукава дернувшего кистью предателя, ударила по артефакту. Со страшной скоростью смертоносный снаряд полетел к охотнице. (